

ских лингвистов. Необходимо глубокое изучение молдавскими языковедами гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и преодоление пережитков антинаучной марровской теории в научно-исследовательской работе.

Необходимо наделить внимание языковедов на исследование основного словарного фонда, словарного состава и грамматического строя молдавского языка, а также на всестороннее изучение диалектов и на подготовку диалектологического атласа.

В резолюции указывается на необходимость изучения языка и стиля произведений молдавской классической литературы и произведений современных молдавских писателей. Большое значение придается сравнительно-историческому изучению молдавского языка.

В резолюции остро и конкретно поставлена проблема улучшения школьного преподавания молдавского и русского языков и создания соответствующих методических пособий. Предлагается широко практиковать творческие дискуссии по основным вопросам молдавского языкознания. Сессия указала также на необходимость организации коллективных исследований и потребовала усиления подготовки научных кадров через аспирантуру и докторантуру.

Ученый секретарь Президиума АН СССР доктор филол. наук В. П. Сухотин, закрывая сессию, охарактеризовал ее как начало упорной и серьезной перестройки работы молдавских лингвистов в свете гениальных сталинских указаний.

С огромным подъемом было принято приветственное письмо И. В. Сталину.

Р. Г. Пиотровский

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР В 1951 ГОДУ

В 1951 г. в заседаниях Ученого совета Института языкознания АН СССР было защищено четыре докторских и девять кандидатских диссертаций.

22 февраля 1951 г. состоялась защита С. П. Горского диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тема диссертации — «Очерки по истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)».

Работа С. П. Горского представляет собой исторический обзор возникновения и развития чувашского литературного языка до Великой Октябрьской социалистической революции. В развитии чувашского литературного языка автор устанавливает следующие четыре периода (которым соответствуют четыре главы диссертации): 1) 1730—1861 гг. — от возникновения чувашской письменности до отмены крепостного права; 2) 1861—1904 гг. — от отмены крепостного права до первой русской революции; 3) 1905—1907 гг. — период первой русской революции; 4) 1908—1917 гг. — от первой русской революции до Великой Октябрьской социалистической революции.

Первая глава посвящена вопросу происхождения чувашской письменности и включает характеристику начального периода развития чувашского литературного языка. Автор анализирует содержание первой грамматики чувашского языка, изданной Российской Академией Наук в 1769 г., переизданной затем в 1775 г., и других чувашских грамматик данного периода, описывает чувашские словари и буквари, а также дает свою оценку первых чувашских переводов. С. П. Горский подчеркивает и иллюстрирует фактическими данными то положение, что происхождением письменности чувашский народ обязан переводной русской науке и русским ученым. Вторая глава содержит оценку деятельности и характеристику работ по чувашскому языку Н. И. Золотниченко и И. Я. Яковлева, а также анализ языка баллады «Арсюри» чувашского писателя М. Ф. Федорова. В третьей главе исследуются вопросы чувашской терминологии, заимствованной из русского языка в период 1905—1907 гг., дается характеристика языка и стиля газетно-публицистической речи этого периода; основная часть этой главы посвящена анализу языка, главным образом синтаксиса, поэтических произведений чувашского писателя К. В. Иванова и определению его роли в истории развития чувашского литературного языка. Четвертая глава содержит описание научной деятельности Н. И. Ашмарина в области изучения чувашского языка и его диалектов.

Официальные оппоненты: акад. В. А. Гордлевский и член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс, проф. В. М. Насилов и доктор филол. наук Н. А. Баскаков, давшие в целом положительную оценку труда С. П. Горского и отметившие его беспорочную актуальность, указали на ряд существенных недостатков диссертации, заключающихся в нарушениях композиционной стройности, в некоторой неравномерности изложения материала, в нечеткости ряда формулировок.

Большим пробелом в обсуждаемой диссертации явилось, по мнению Е. Э. Бертельса, то, что автор совсем не коснулся вопроса о взаимоотношении чувашского языка с соседними тюркскими языками.

Проф. В. М. Насилов отметил, что в работе диссертанта неполно освещен вопрос о языке чувашского фольклора, недостаточно систематизированной представляется характеристика основного словарного фонда чувашского языка, слабо разработан вопрос о синтаксических функциях падежей.

Указав, что в работе С. П. Горского в основном правильно разработана схема периодизации развития чувашского литературного языка, Н. А. Баскаков высказал мнение, что в диссертации не следовало бы выделять в качестве особого периода отрезок времени с 1905 по 1907 г. Н. А. Баскаков обратил внимание на неправильность утверждения автора, что чувашский литературный язык дооктябрьского периода представлял собой совокупность всех местных диалектов народно-разговорного языка, формировавшегося стихийно на базе взаимодействия диалектов между собой (как известно, каждый литературный язык базируется на основе какого-либо одного диалекта). Оппонент указал также на имеющуюся в работе С. П. Горского недооценку роли Н. И. Ашмарина в изучении чувашского языка.

* * *

10 мая 1951 г. Ученый совет института обсудил представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук диссертацию С. А. Копорского на тему — «Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х годов XIX века (словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова)».

Основная задача данного исследования — показать на конкретном материале, словарном составе сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова, как использовался ими общенародный язык, его стили, народные говоры и жаргоны в качестве одного из средств художественной литературы для выражения общественных и эстетических взглядов демократических направлений 60—70-х годов.

Диссертация С. А. Копорского начинается с обширного введения, в котором излагаются взгляды Чернышевского, Добролюбова и Писарева на язык и науку о языке, дается общая характеристика творчества Н. Успенского, Слепцова и Решетникова, а также содержится анализ типов речи, употребляемых в сочинениях писателей-демократов. Далее, в десяти главах исследования, дается анализ тех сторон словарного состава сочинений писателей-демократов, которые, по мнению автора, являются наиболее типичными для их слога. В первых шести главах содержится описание собранного автором словарного материала, распределенного по частям речи; глава седьмая характеризует естественно-научную терминологию в произведениях писателей-демократов; в восьмой главе приводятся диалектизмы, вводимые писателями-демократами в свои произведения, и показывается их социально-стилистическая функция; девятая глава диссертации посвящена характеристике речи действующих лиц в произведениях Н. Успенского, Слепцова и Решетникова; десятая глава, заключительная, содержит выводы, к которым пришел автор в результате своего исследования.

Выступивший в качестве официального оппонента акад. С. П. Обнорский указал, что диссертация С. А. Копорского — первый обстоятельный труд в области лексики русского литературного языка, поражающий, прежде всего, обилием привлеченного к исследованию материала. Несмотря на имеющиеся в работе отдельные недостатки, а также некоторые спорные положения, она в целом вполне может служить основанием для присуждения ее автору ученой степени доктора филологических наук.

Официальный оппонент доктор филол. наук Р. И. Аванесов также дал высокую оценку работы С. А. Копорского. Литературный язык 60—70-х годов XIX в. автор представил на широком фоне истории русского литературного языка предшествующих эпох, а частично также и последующей эпохи; он собрал и проанализировал обширный фактический материал и сделал большое количество ценных наблюдений над ранее неизвестным или мало известным материалом; диссертация в целом является ценным вкладом в изучение истории русского литературного языка. Вместе с тем проф. Р. И. Аванесов указал на ряд недостатков диссертации, наиболее существенные из которых — ее эмпиризм, отсутствие в ней раздела, выясняющего основные понятия лексикологии, в частности понятия основного словарного фонда и словарного состава языка; перегруженность работы фонетическим, морфологическим и синтаксическим материалом, некоторая нечеткость как в изложении материала, так и в терминологии. Р. И. Аванесов указал, что в работе лексикологического характера, какой является диссертация С. А. Копорского, мало оправданным оказалось распределение слов по грамматическим классам; оппонент отметил, что в исследовании С. А. Копорского следовало бы более расчлененно представить такие качественно различные проблемы, как проблемы лексикологии в собственном смысле, проблемы стилистики и проблемы поэтики; неверным, по мнению Р. И. Аванесова, явилось проведенное в диссертации противопоставление авторской речи, с одной стороны, и речи диалогической, с другой. Термин «демократический реализм», употребленный С. А. Копорским в применении к творчеству Слепцова, Решетникова и Н. Успенского, Р. И. Аванесов признал неудачным.

Официальный оппонент доктор филол. наук А. И. Ефимов указал на правильность методологической позиции С. А. Копорского, положившего в основу своего исследования учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении, а также его учение о закономерностях развития словарного состава русского языка. К литературному языку автор подошел как к языку народному, обработанному мастерами и развивающемуся в тесном взаимодействии с языком общенародным. Вместе с тем автор дал четкое представление об индивидуальном своеобразии языка и слога изучаемых им писателей. В исследовании С. А. Копорского попутно с основными вопросами поставлены и разрешены также некоторые частные вопросы, представляющие несомненный интерес для истории русского литературного языка, например вопрос об отношении языка художественной литературы к общенародному языку, вопрос об отношении диалектной лексики к лексике художественной литературы и некоторые другие. К недостаткам работы оппонент отнес перегруженность фактическим материалом некоторых ее разделов, перевес в ряде случаев литературоведческого анализа над лингвистическим, неточность отдельных формулировок. По мнению А. И. Ефимова, автор уделит мало внимания фразеологическому составу языка писателей-демократов. Оппонент высказал мнение, что С. А. Копорскому следовало бы провести в своей работе более четкие границы, определяющие индивидуальное своеобразие языка и слога каждого из изучаемых писателей; при анализе фамилий-прозвищ целесообразно было бы подчеркнуть, как писатели-демократы намеренно усиливали их экспрессивно-характеристическую функцию.

Официальный оппонент доктор филол. наук П. С. Кузнецов, присоединившись к положительной оценке диссертации С. А. Копорского другими оппонентами и к их мнению о том, что рассматриваемая работа представляет собой весьма ценный вклад в изучение истории русского литературного языка, высказал ряд критических замечаний как общего, так и частного порядка. Так, по мнению проф. П. С. Кузнецова, не совсем оправдано принятое автором расположение лексического материала по частям речи; анализ отдельных слов, употребляемых Н. Успенским, Степцовым и Решетниковым, во многих случаях оказался неполным; в ряде случаев сопоставления материала произведений рассматриваемых в работе писателей-демократов с материалом, извлекаемым из произведений других писателей той же поры, явно недостаточно; употребляемому в работе применительно к диалогической речи понятию «фраза» не дано точного определения; в ряде случаев грамматический анализ предложений подменен логическим; некоторые положения диссертации изложены не совсем ясно или являются спорными.

* * *

Докторская диссертация Э. И. Каратаевой «Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия (из истории образования сложного предложения в национальном русском литературном языке)» обсуждалась в заседании Ученого совета института 2 июля 1951 г.

В своем исследовании Э. И. Каратаева проследила процесс образования союзного сложно-подчиненного предложения в русском литературном языке второй половины XVII в. — эпохи, когда уже начинал складываться национальный русский язык.

Работа состоит из краткого введения, шести основных глав и заключения. Во введении дана общая характеристика русского литературного языка второй половины XVII столетия, указывается, в чем состоит цель работы, определяется роль сложно-подчиненного предложения в русском литературном языке. В первой главе рассматриваются существовавшие во второй половине XVII столетия конструкции сложных предложений, переходные от сочинительных к подчинительным. Во второй главе определяется роль соотносительных слов в образовании подчинительных конструкций. Глава третья посвящена вопросу о месте придаточного предложения по отношению к главному. В главе четвертой дается характеристика временных сложно-подчиненных предложений. Здесь устанавливается, что временные отношения выражаются большим числом разнообразных союзов, и прослеживается процесс замены старых союзов новыми. Последняя, шестая глава посвящена характеристике союзов, выражающих отношения причины, цели, следствия. Заключительная глава, подводящая итоги исследования, содержит описание процесса формирования сложно-подчиненных предложений во второй половине XVII столетия.

Основные выводы, к которым пришел автор диссертации относительно формирования конструкций сложно-подчиненных предложений, не вызвали принципиальных возражений со стороны официальных оппонентов: докторов филол. наук В. И. Борковского, Б. А. Ларина и А. Б. Шапиро. Оппоненты признали значительную научную ценность работы Э. И. Каратаевой, посвященной еще не разработанной в историческом синтаксисе русского языка теме и основанной на большом фактическом материале.

Вместе с тем оппоненты отметили в обсуждаемой диссертации ряд недостатков и спорных положений.

Проф. В. И. Б о р к о в с к и й выразил свое несогласие с утверждением автора, что сложно-подчиненное предложение является исключительно «категорией национального литературного языка», и указал на имеющуюся в диссертации недооценку значения тех процессов, которые протекали в синтаксической системе русского языка в более раннее время, когда существовал язык народности, а не язык нации. Оппонент признал неправильную проведенную в диссертации мысль о совпадении при феодализме грамматических и стилистических категорий, указал на недостаточную аргументированность утверждения автора, что союзы становятся «отличительным качеством национального литературного языка», обратил внимание на ряд имеющихся в работе Э. И. Каратаевой неточных и неудачных формулировок.

Проф. Б. А. Л а р и н указал на имеющиеся в работе Э. И. Каратаевой случаи неправильного или спорного толкования автором текстов, на перегруженность некоторых разделов работы фактическим материалом, отметил недостатки стиля изложения.

Проф. А. Б. Ш а п и р о высказал мнение, что для работы на историческую тему, какой является диссертация Э. И. Каратаевой, целесообразнее было бы выбрать более узкий объект исследования (например, только причинные или только целевые сложно-подчиненные предложения) и проследить процесс развития данной категории на протяжении ряда веков. Недостатком работы проф. А. Б. Шапиро признал отсутствие в ней главы или раздела, содержащего изложение взглядов автора на те понятия, которыми он оперирует в своей работе. Оппонент не согласился с рядом утверждений Э. И. Каратаевой, в частности с утверждением, что сочинительные союзы выполняют подчинительные функции. Неясно, по мнению оппонента, изложен в работе вопрос о том, как происходит смена одних языковых форм другими: остается впечатление, что эта смена имеет характер внезапности, однократности. Мало убедительным и не доказанным фактами языка явилось положение автора о многозначности союза *что* в языке исследуемой им эпохи.

В обсуждении диссертации Э. И. Каратаевой приняли также участие доктор филол. наук Е. М. Г а л к и н а - Ф е д о р у к и П. С. К у з н е ц о в.

* * *

Защита В. Г. Е г о р о в ы м докторской диссертации на тему — «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» состоялась в заседании Ученого совета института 26 октября 1951 г.

Диссертация В. Г. Егорова представляет собой фундаментальное исследование по современному чувашскому языку, включающее в себя историографию вопроса, общую генеалогическую и типологическую характеристику чувашского языка, краткие сведения по его истории и диалектологии, сведения по истории чувашского литературного языка, значительный материал по его лексике и идиоматике и, наконец, описание его фонетики и морфологии. Работа состоит из введения и четырех глав. Введение посвящено общим вопросам типологической характеристики чувашского языка, его месту среди других тюркских языков, его отношению к территориальным диалектам, а также вопросам истории чувашского языка. Вторая глава излагает вопросы основного словарного фонда и словарного состава чувашского языка. Третья глава исследует фонетическую его структуру. Четвертая, последняя глава диссертации посвящена морфологии чувашского языка. Как указывает автор, его работа имеет и специальное практическое назначение — служить пособием по чувашскому языку для студентов, аспирантов, учителей школ и преподавателей вузов, изучающих и преподающих чувашский язык.

Выступившие на защите диссертации В. Г. Егорова официальные оппоненты: член-корр. АН СССР Н. К. Д м и т р и е в, доктора филол. наук Н. А. Б а с к а н о в и В. И. Л ы т к и н — отметили несомненную актуальность и большую научную ценность работы В. Г. Егорова, представляющей, помимо теоретического, и значительный практический интерес в качестве пособия для высшей школы. Оппоненты высказали мнение о целесообразности скорейшего напечатания труда В. Г. Егорова.

Как положительные стороны диссертации В. Г. Егорова член-корр. АН СССР Н. К. Д м и т р и е в отметил интересную и убедительную попытку автора диссертации исторически локализовать татарские, арабские и персидские заимствования в чувашском языке, подробное описание русских лексических заимствований в чувашском языке, прекрасный составленный обзор словарей чувашского языка, интересные наблюдения над динамикой языковых явлений и т. п. Однако Н. К. Дмитриев выразил сожаление, что в труде В. Г. Егорова совершенно не представлен, в качестве самостоятельного раздела, синтаксис чувашского языка. По мнению Н. К. Дмитриева, снижает достоинства работы и то обстоятельство, что имеющийся в ней богатый сравнительный материал привлекается по частным и конкретным поводам, а не как выражение какого-либо принципиального метода исследования. Оппонент подверг критике трактовку автором некоторых надежных значений и форм (например, В. Г. Егоров отстаивает традиционные для чувашской грамматики термины «винительный и дательный неоформленные», тогда как в действительности это не отдельные

падежи, а лишь частные функции основного падежа), отметил допущенные В. Г. Егоровым в ряде случаев ошибки при объяснении этимологии отдельных слов и аффиксов.

Доктор филол. наук Н. А. Баскаков указал на то обстоятельство, что В. Г. Егоров, закончивший работу над данной диссертацией в 1947 г., в последнее время подверг ее тщательной переработке и пересмотру, в результате чего работа была освобождена от тех методологических погрешностей, которые были вызваны воздействием «нового учения» о языке. Достоинствами работы В. Г. Егорова являются: широкое использование автором историко-сравнительного метода в анализе явлений языка, последовательное применение принципа историзма, правильная трактовка вопроса истории развития чувашского языка, тщательный и интересный анализ чувашской лексики. В числе недостатков работы, отмеченных оппонентом, — использование автором текстов переводной, а не оригинальной литературы в качестве примеров, иллюстрирующих факты чувашского языка; отсутствие ссылок на источники при сравнении и сопоставлении фактов чувашского языка с фактами других тюркских языков; некоторая недоработка диссертации со стороны ее литературного и технического оформления. Н. А. Баскаков высказал также ряд конкретных замечаний по отдельным вопросам истории чувашского языка, его лексики, фонетики и грамматики. Так, оппонент отметил, что в разделе лексики автор в большей мере осветил вопрос о лексических сходствах чувашского языка с другими тюркскими языками и в меньшей мере привел материалы, характеризующие лексические расхождения с этими языками. Перечисляя средства выражения грамматических значений, В. Г. Егоров отметил только систему аффиксов словоизменения и систему аффиксов словообразования и не выделил аффиксов словообразования, как особой системы, определяющей границы между основным словарным фондом и грамматическим строем языка. Правильнее было бы, сказал Н. А. Баскаков, систему аффиксов словообразования рассматривать как раздел словообразования, а не наоборот, как это сделал автор диссертации.

Проф. В. И. Лыткин, отметив, что В. Г. Егоров успешно разрешает основные поставленные в его диссертации проблемы, остановился на тех вопросах, которые требуют еще дальнейшего углубленного исследования. Оппонент указал на противоречивость понимания автором вопроса происхождения чувашского языка и этногенеза чувашей, сделал ряд замечаний по поводу принципов, лежащих в основе рассмотрения звуков чувашского языка, а также по поводу разделов диссертации, посвященных древнерусским заимствованиям в чувашском языке, словообразовательным суффиксам иноязычного происхождения и др.

В качестве неофициального оппонента по защите диссертации В. Г. Егорова выступил старший научный сотрудник Б. А. Серебrennikov.

Присоединившись к той положительной оценке, которая была дана работе В. Г. Егорова официальными оппонентами, Б. А. Серебrennikov подверг критике высказанное автором положение о том, что члeнная форма прилагательного в чувашском языке в точности соответствует члeнным формам в индоевропейских языках, а также остановился на его трактовке категории определенности в чувашском языке и на анализе значений прошедшего неочевидного времени. Б. А. Серебrennikov высказал также мнение о наличии большой близости между структурами чувашского и марийского языков.

* * *

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация С. А. Бурнашевой на тему — «Изменения в словарном составе татарского языка в советскую эпоху» является одной из первых попыток конкретизировать понятие основного словарного фонда татарского языка и наметить историю словарного состава этого языка в советскую эпоху. Диссертация состоит из четырех глав. В первой главе поставлен вопрос о формировании словарного состава современного татарского литературного языка; здесь показано, как в течение нескольких исторических периодов обогащался, развивался и плitфовался словарный состав языка. Вторая глава диссертации посвящена структурным элементам словарного состава дореволюционного татарского языка и содержит обзор основного словарного фонда татарского языка, рассмотрение заимствований из арабского и персидского языков, характеристику русизмов в татарском языке. В третьей главе рассматриваются изменения, происшедшие в словарном составе татарского языка за последние 30 лет, сводящиеся к трем основным процессам: 1) пополнение существующего словаря новыми словами и выражениями; 2) изменение значения у ряда слов и выражений; 3) отмирание устаревших слов. Последняя, четвертая глава содержит характеристику основных способов образования новых слов в татарском языке (аффиксация, словосложение, сложно-сокращенные слова, кальки).

* * *

Кандидатская диссертация Т. И. Фроловой — «Именные категории верхневыемских говоров северного диалекта коми языка» посвящена исследованию указанных в заглавии категорий в говорах, распространенных главным образом в Ижемском и

Железнодорожном районах Коми АССР. Во введении к работе дается общая характеристика района изучаемых говоров и описание их фонетических особенностей. В основной части работы, состоящей из трех глав, содержится анализ особенностей словоизменения (категория числа, основное склонение, лично-притяжательное склонение) и словообразования именных категорий верхневыхских говоров, а также делаются выводы относительно существующей в верхневыхских говорах дифференциации именных категорий. Автор устанавливает, что отмеченные в данной диссертации морфологические отличия верхневыхских говоров от коми литературного языка восходят к глубокой древности.

* * *

В. А. Сорвачева в своей кандидатской диссертации на тему — «Морфологические особенности верхневыхского говора» дает подробную морфологическую характеристику окраинного говора удорского диалекта коми языка. В основу работы положены личные наблюдения автора. Диссертация содержит описание и анализ тех морфологических признаков существительных, так называемых изобразительных слов, прилагательных, местоимений, глаголов, наречий, которые характерны для верхневыхского говора в отличие от литературного коми языка; здесь рассматриваются также послелоги, частицы и союзы, имеющие широкое употребление, чем в литературном языке. Кроме того, в работе В. А. Сорвачевой сообщаются краткие этнографические сведения о жителях обследованного района и дается описание основных фонетических особенностей, отличающих верхневыхский говор от литературного коми языка.

* * *

Одному из важных вопросов исторической морфологии чешского языка посвящена кандидатская диссертация Е. В. Немченко — «Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке». На материале письменных памятников чешского языка XIII—XVI вв. автор исследует синтаксическую функцию кратких причастий действительного залога и устанавливает причины, вызвавшие изменение этих причастий в деепричастия. Е. В. Немченко доказывает, что история образования деепричастий связана с постепенным изменением синтаксической функции кратких причастий действительного залога. Диссертация состоит из введения и трех глав. Во введении определены методологические позиции автора, под углом зрения которых она и рассматривает труды чешских и русских лингвистов, исследовавших историю кратких действительных причастий в чешском и русском языках. Первая глава («Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка») содержит обзор и характеристику исследуемых памятников чешской письменности XIII—XIV вв., а также рассмотрение функции и значения употребляемых в них кратких действительных причастий. Во второй главе («Краткие причастия действительного залога в памятниках чешской письменности XV и XVI вв.») дается характеристика исследуемых языковых явлений в памятниках указанного периода и определяются функции кратких причастий действительного залога (в сопоставлении с предшествующим периодом). Проведенное автором исследование показывает, что в формировании категории деепричастий решающую роль сыграло употребление кратких причастий действительного залога в функции второстепенного сказуемого; предикативное использование этих причастий сочеталось с тем, что они передавали также значение обстоятельства совершения главного действия, выраженного глаголом, что, в свою очередь, определяло их переход в категорию предикативных обстоятельственных слов, т. е. деепричастий. Третья глава («Деепричастия в современном чешском языке») исследует употребление деепричастий в говорах и литературных произведениях современного чешского языка. Здесь же рассматривается вопрос об адвербиализации деепричастий.

* * *

В своей кандидатской диссертации — «Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков» И. Б. Кузьмина на материале памятников различных жанров исследует вопрос об употреблении разных глагольных форм в качестве сказуемых побудительных предложений. В первых четырех главах своей работы автор рассматривает употребление разных глагольных форм в предложениях с общим значением побуждения. В первой главе описываются предложения, в которых побуждение выражено формами повелительного наклонения. Глава вторая содержит наблюдения и выводы автора о выражении побуждения, желания, долженствования глаголами настоящего и будущего времени в сочетаниях с побудительно-желательными частицами и без этих частиц. Третья глава посвящена вопросу о выражении побуждения при помощи сослагательного (ирреально-гипотетического) наклонения. Четвертая глава рассматривает выражение долженствования и побуждения при помощи независимого инфинитива. И. Б. Кузьмина стремится определить круг модальных оттенков, выражаемых с помощью глагольных форм разных наклонений, широту употребления форм, выражающих побуждение, в языке различных

памятников и соотносительность между собой этих форм. В пятой, последней главе диссертации описываются некоторые явления из истории форм повелительного наклонения.

* * *

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация Н. М. Александрова озаглавлена: «К вопросу о сочинении и подчинении предложений». В начале диссертации автор рассматривает особенности сочинения предложений и предлагает свою классификацию сложно-сочиненных предложений (глава I). Далее дается критический разбор имеющихся в синтаксической литературе взглядов на сущность подчинения и его отличие от сочинения (главы II—VIII). Рассматривая особенности синдетического (союзного) сочинения в отличие от подчинения, автор приходит к выводу, что при сочинении осуществляется неполная связь между предложениями, тогда как подчинение представляет собою полную связь между ними (главы IX—X). Автор исследует затем развитие различных типов союзного подчинения из сочинения: возникновение коррелятивной связи предложений, развитие дифференцированных подчинительных союзов из первоначально недифференцированных многозначных показателей подчинения, развитие сложно-подчиненных предложений из глагольно-именных конструкций, а также случаи заимствования союзов в языках с неразвитым гипотаксисом (главы XI—XV). Особые главы диссертации (XVI и XVII) посвящены относительному придаточному предложению, косвенной речи и косвенному вопросу. Далее анализируются бессоюзные формы подчинения, в частности бессоюзные определительные, дополнительные, условные предложения и их грамматические показатели (ударение, интонация, порядок слов, особое наклонение — конъюнктив, последовательность времён) (главы XVIII—XXII). Заключительная (XXIII) глава исследования, содержащая основные выводы, ставит вопрос об исторических причинах происхождения и развития сложно-подчиненных предложений и предлагает схему их классификации, которой предпослана критика классификационных схем других авторов. Проблема сочинения и подчинения предложений рассматривается Н. М. Александровым на сравнительном материале языков индоевропейских (немецкого, французского, английского, итальянского, русского, старославянского, греческого, латинского, санскрита и новоперсидского), с привлечением некоторых примеров из языков иных систем (тюркских и монгольских).

* * *

В кандидатской диссертации Б. Г. Гафарова на тему — «Система спряжения в гагаузском языке» разрабатывается материал по гагаузскому языку, до сих пор очень мало известному в науке. К исследованию привлечены фольклорные записи В. А. Мошкова, опубликованные им в 1904 г., и личные записи Б. Г. Гафарова, сделанные им во время его поездки к гагаузам. Первая глава диссертации содержит краткие сведения по истории гагаузского народа и характеристику гагаузского языка, причем автор присоединяется к мнению ученых, признающих гагаузский язык самостоятельным языком тюркской группы. Вторая глава излагает историю изучения гагаузского языка. В третьей главе дается характеристика грамматического строя гагаузского языка, его фонетики и словарного состава и подчеркивается специфика этого языка, отличающая его от других тюркских языков. Четвертая глава служит непосредственным введением к основной части работы — описанию системы спряжения гагаузского глагола; в этой главе содержится общий анализ форм глагола как особой части речи и описание системы глагольного словообразования. В пятой главе, посвященной системе спряжения глагола, дан анализ основных глагольных категорий: категорий лица, наклонения, времени и залога. В последней, шестой главе содержится характеристика глагольных наклонений: изъявительного, повелительного, желательного и условного. Здесь же рассматривается вопрос о выражении в гагаузском языке условной модальности, а также содержатся краткие сведения об инфинитиве и модальности *на-мыш*. К диссертации приложены схема спряжения глаголов в гагаузском языке и тексты фольклорных записей.

* * *

Кандидатская диссертация Н. Т. Пенгитова — «Причастия в марийском языке» представляет собой детальную разработку мало изученного в науке вопроса о грамматических признаках и функциях причастий марийского языка. Причастия рассматриваются автором как особая глагольно-именная форма, имеющая признаки, сходные, с одной стороны, с глаголами, а с другой — с именами прилагательными и существительными. В первой, вводной главе диссертации, помимо изложения истории вопроса, содержится краткий очерк грамматики и фонетики марийского языка. В последующих четырех главах исследуются лексико-морфологические особенности и условия употребления основных групп причастий в марийском языке: активных, пас-

сивных, причастий будущего времени и отрицательных причастий; попутно делаются наблюдения над теми особенностями в образовании и синтаксическом употреблении этих групп причастий, которые характеризуют, с одной стороны, лугово-восточное и, с другой стороны, горно-марийское наречия марийского языка.

* * *

Историческим исследованием в области тюркских языков является диссертация А. М. Щ е р б а к а — «Сказание об Огузе (к истории узбекского языка)», представленная им на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Материалом для исследования послужил древнейший список Огуз-наме, принадлежавший Шарлю Шеферу и хранящийся ныне в парижской Национальной библиотеке. После краткого введения, включающего в себя историографию вопроса, описание рукописи, перечень и сравнение рукописных вариантов памятника, автор дает в первой главе диссертации детальный анализ языка «Сказания»: его фонетических, морфологических, синтаксических особенностей — сравнительно с языковыми особенностями уйгурских и староузбекских текстов. Вторая глава исследования представляет собой лексический комментарий к изучаемому памятнику. В следующей, третьей главе автор устанавливает время написания памятника — XII или XIII вв. — и принадлежность языка этого памятника языку уйгуров каганата караханидов, имевшему особенности, общие и для староузбекского языка. Четвертая глава («Язык Легенды и проблемы уйгуро-чагатайских языковых связей») устанавливает близость языка рассматриваемого памятника к «чагатайскому» языку, являющемуся, в трактовке автора, литературной, книжной формой староузбекского языка.

Е. А. Иванчикова

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора), В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.